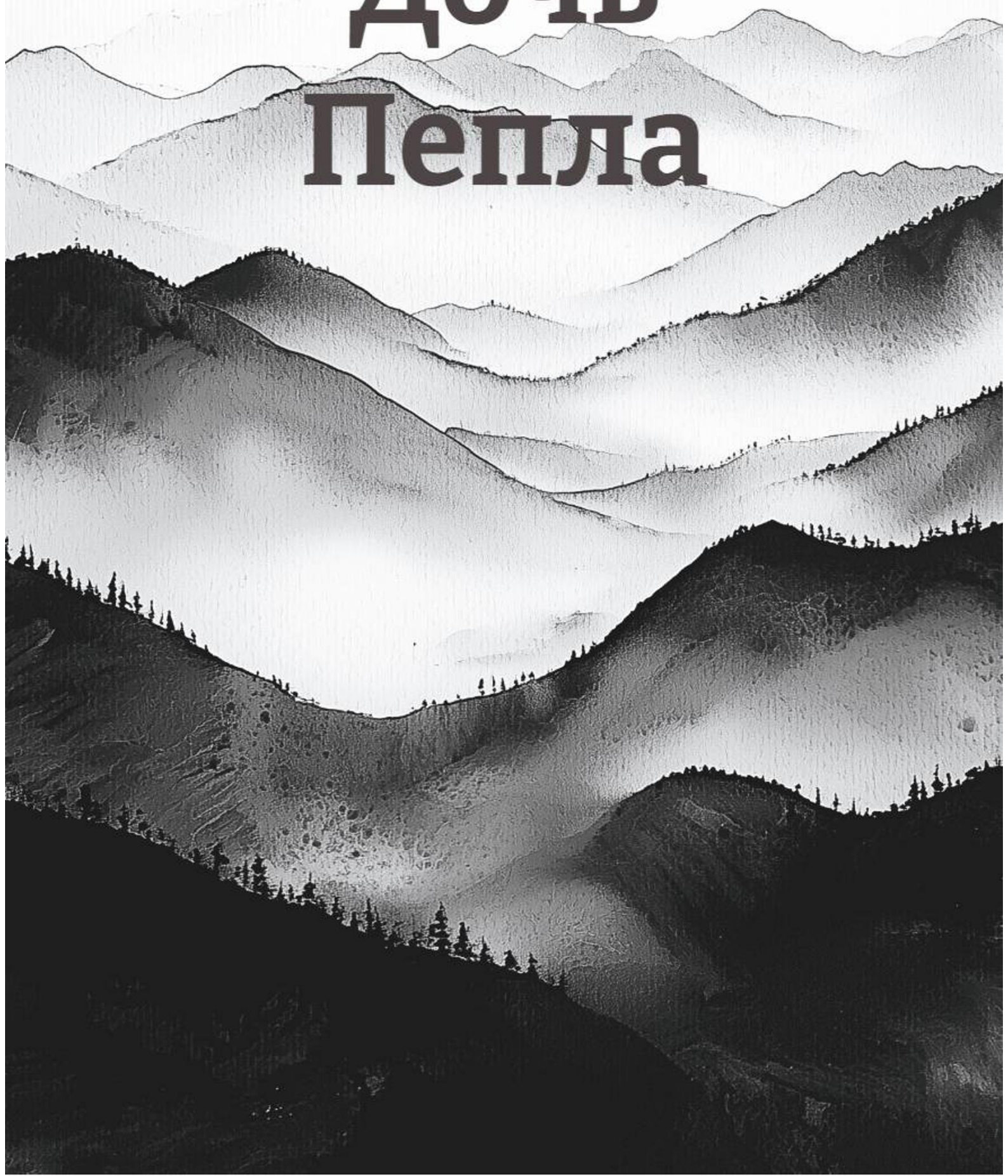


*Калерия Андреева*

# Дочь Пепла



Калерия Андреева

**Дочь Пепла**

«Автор»

2026

**Андреева К.**

Дочь Пепла / К. Андреева — «Автор», 2026

Мечь, травма, цикл насилия и вопрос о том, может ли жертва сама стать монстром.

© Андреева К., 2026

© Автор, 2026

# Содержание

Глава 1.	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

# Калерия Андреева

## Дочь Пепла

### Глава 1.

#### Глава 1. Последний день невинности

Элис проснулась до рассвета — так учила мать. «Травы слаще всего на утренней заре, когда роса еще не обсохла, а мир не успел надыхаться дневной суетой».

Она лежала на своем топчане у окна и слушала, как дом просыпается. Мать уже хлопотала у очага — звякала крышка котла, пахло разваренным овсом и мятой. За стеной вздыхала старая коза, в углах возились мыши. Обычное утро.

— Вставай, соня, — мать просунула голову в проем двери, выбившаяся прядь волос упала на лицо. Она улыбалась, но глаза оставались серьезными. — Росу проспшишь — весь день без толку бродить будешь.

Элис натянула платье, сунула ноги в стоптанные башмаки, наскоро запихнула в рот ложку каши. Мать смотрела на нее через стол — тепло, долго, словно пыталась запомнить каждую черточку.

— Чего ты? — спросила Элис с набитым ртом.

— Так. Любуюсь. Выросла ты у меня. Совсем большая.

— Ма-ам, — Элис закатила глаза, но внутри разлилось приятное тепло.

— Иди уже. Корзину не забудь. И на дальний склон не ходи, там в этом году поганки поперли — не отличишь от опят.

— Знаю, знаю.

Элис выскочила за дверь, подхватив плетеную корзину с отломанной ручкой — все никак не могла заставить себя починить. Солнце только начинало золотить верхушки деревьев, роса тяжело оседала на траве, холодя ступни сквозь старую подошву.

Она любила это время. Лес встречал ее приглушенным шепотом, влажным дыханием мха, запахом прелой листвы и молодой крапивы. Элис шла по тропе, которую знала с трех лет, и тихонько напевала.

Песня была старой, мать научила, а до этого песню пела бабушка. Про девочку, которая пошла в лес за цветами и встретила лесного духа. Дух хотел ее забрать, но девочка сплела венок из девяти трав и обманув его, ушла. Мать говорила, в этой песне — вся сила травниц: знать, кого и когда позвать, а когда откупиться.

Раздвинув ветви, она вышла на опушку, остановилась, вдохнула поглубже и замерла.

Лес кончился. Дальше, до самого горизонта, расстилалось поле диких трав — синеглазка, иван-чай, зверобой, тысячелистник. Они колыхались под утренним ветром, как живое море, и от их запаха кружилась голова.

— Красота-то какая, — прошептала Элис.

Она шагнула в траву по пояс, провела ладонями по верхушкам, срывая пушистые метелки. Корзина быстро наполнялась — вот это для желудочного сбора, это для ран, это мать просила, для настойки от простуды. Солнце поднималось выше, роса обсохла, и вместе с ней уходила утренняя прохлада.

Элис прилегла на траву, раскинув руки, и смотрела в небо. Облака плыли медленно, важно, будто стая лебедей на пруду. Где-то далеко куковала кукушка. Жить хотелось вечно.

Она не знала, сколько так пролежала. Может, минуту, может, час. Очнувшись от странной тишины — лес за спиной вдруг замолчал, разом, будто кто-то накрыл его стеклянным колпаком. Птицы не кричали. Ветер стих.

Элис села, прислушиваясь. Сердце забилося быстрее, хотя разум еще не понял опасности. А потом ветер принес запах.

Дым. Горелое дерево. И еще что-то — сладковатое, тошнотворное, отчего желудок сжался в тугой узел. Так пахнет паленая плоть. Элис знала этот запах с прошлой осени, когда у соседей сгорел сарай вместе с поросенком.

Она вскочила и побежала. Корзина, что она по привычке схватила, больно билась о бок.

Лес встретил ее тишиной и дымом, который уже полз между стволами, стелился по земле, застилал глаза. Элис неслась по тропе, ветки хлестали по лицу, рвали платье, но она не чувствовала. Только внутри нарастал ледяной ужас, от которого немели руки и ноги.

Она вылетела на опушку перед домом и остановилась.

Дома не было.

Там, где еще утром стояла их изба с резными наличниками и покосившимся крыльцом, теперь полыхал костер. Огонь вздымался к небу, пожирая стены, пожирая крышу, пожирая все. Жар ударил в лицо, заставив отшатнуться.

— Мама! — закричала Элис и рванула вперед.

Чьи-то руки перехватили ее, грубо дернули назад, заломили руки за спину. Она брыкалась, кусалась, кричала так, что рвало горло, но держали крепко.

— Тихо, тихо, красавица, — прохрипели над ухом, обдавая перегаром и гнилью. — Не беги в огонь, мамку все одно не вернешь.

Сквозь пелену слез и дыма Элис увидела их. Человек десять — грязных, обросших, в кожаных доспехах, с нашивками черного волка на груди. Банда. О них говорили шепотом, боясь.

Один сидел на ее коне — на том самом, которого мать выменяла три года назад за мех и сушеные травы. Другой тащил из горящего хлева упирающуюся козу. Третий, с нашивками поярче, стоял у самого огня и смотрел, как рушится крыша.

— Красиво горит, — сказал он, не оборачиваясь. — Чисто. Будто свечка.

Командир. Элис поняла это сразу — по тому, как замерли остальные, по голосу, в котором не было ничего человеческого, одна только сытая ленивая жестокость.

Он обернулся. Лицо как у всех — щетина, шрамы, холодные глаза. Но в этих глазах плескалось что-то еще. Интерес.

— Это та самая? — спросил он у того, кто держал Элис.

— Она, атаман. Дочка травницы. Та, про которую старик болтал.

Главный подошел ближе, взял Элис за подбородок, повертел, рассматривая, как лошадь на ярмарке. Элис плюнула ему в лицо.

Он не разозлился. Вытерся рукавом и усмехнулся:

— С характером. Это хорошо. Дар травницы от этого не портится, а даже крепчает, говорят. — Он наклонился к самому уху, зашептал, обжигая вонючим дыханием: — Твоя мамка, помирая, все бормотала: «Элис, беги, Элис». Это ты, что ли?

Элис дернулась, пытаясь вырваться, но мужчина сжал пальцы сильнее, до хруста в челюсти.

— Дар у тебя, девочка. Травяной дар. Лечить можешь. И травить, поди, тоже. Нам такие нужны. Мои ребята часто болеют. Раны у них. А лекарей мы не любим — дорого берут, да и болтают много. А ты будешь молчать. Потому что языка у тебя, может, и не станет, если пикнешь.

Он разжал пальцы, вытер руку о штаны и махнул своим:

— Вяжите. В мешок ее, чтоб не дергалась. И ноги ей подпалите, если рыпаться будет. До лагеря верст десять, не хочу ее за каждым кустом искать.

Элис закричала. Забилась так, что двое еле удерживали. Рванулась в сторону огня — пусть сгорит, только не с ними. Ее поймали, повалили на землю, сунули в рот вонючую тряпку, скрутили руки сыромятным ремнем, врезавшимся в запястья до крови.

Последнее, что она увидела перед тем, как мешок накрыл голову — почерневшую руку, торчащую из-под обгоревшей балки. Руку матери. С кольцом травницы, которое теперь вплавилось в обугленную плоть.

А потом была темнота, тряска, запах конского пота и собственного страха, и чьи-то голоса, переговаривающиеся над ней, как над вещью:

— Да не реви ты, травка. Привыкнешь. Все привыкают.

— Атаман сказал, в обоз ее. И ноги свяжи на всякий. Травникам, говорят, ноги нужны, а то как она калечная лечить будет.

— Слышь, а правда, что она зверей заговоренных может делать?

— Кто ж ее знает. Атаман разберется.

Элис лежала в мешке, сжимаясь в комок, и слушала, как хрустит гравий под копытами. Дорога уводила ее прочь от дома, прочь от пепла, прочь от всего, что было ее жизнью. Впереди была неизвестность.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.